

Стуху Н.М.

Н.М. Михайлова

ОБ АВТОРЕ. Н.М. Михайлова — родилась в Москве в 1940 году в семье учительницы истории **Т.Ю. Коробьиной** (1911 – 2004) и инженера–конструктора **М.М. Михайлова**. По окончании средней школы в 1958 году поступила в МГУ на географический факультет. Закончила кафедру океанологии в 1963 году. Океанологом работала в ИФЗ АН СССР и ГОИНе до 1968 года. Вернулась в ИФЗ, стала геофизиком и программистом на БЭСМ–4. В 1975 году ещё раз поменяла профессию – работала геологом–петрографом в ИГЕМе.

В 40 лет бросила прежние занятия и весной 1981 года устроилась на работу в музей–усадьбу **Мураново**, где стала архивистом. В декабре 1982 года – крестилась. В 1983 году перешла на работу в Краеведческий музей, расположенный в **монастыре Новый Иерусалим (г. Истра)**. Занималась обработкой монастырского архива и по его материалам написала три книги: «Хозяйственная жизнь монастыря в XVIII–XIX в.в.», «Путеводитель» и «История Нового Иерусалима за 240 лет». В 1989 году в журнале «Москва» были опубликованы первые статьи (о художнике М.К. Соколове и искусствовед С.Н. Юрeneuve). В 1990–е годы публиковала в разных журналах («Глаголы жизни», «Москва», «Благодатный огонь», «Русский Паломник», «Радонеж» и ЖМП) статьи по истории Церкви. К 2001 году написала несколько книг (**ни одна не опубликована**): «РОСЫЗК О РАСКОЛАХ», «Культура и оккультизм», «Масонизация духовенства». В 1995–2003 годы преподавала Краеведение, Историю русской колонизации и Историю Церкви в Семинариях при Богоявленском и Сретенском монастырях и читала лекции при храмах (на Ильинке и в Сокольниках).

С 2007 года начала издавать свои книги в цифровой типографии небольшими тиражами (25–50 экз.). К настоящему времени уже напечатаны 10 книг (список см. в конце). В настоящий сборник вошли стихи настоящих поэтов, которые любили в их семье, а заодно и её стихи, написанные с 12 по 50 лет.

*На память о моих родных учителях –
бабушке, маме и деду Юрию
Наталья*

НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВА

НЕСБЫВШЕЕСЯ

СБОРНИК СТИХОВ РАЗНЫХ ПОЭТОВ,
а среди них и немного её собственных

МАМА

Кто вас, детки, крепко любит,
Кто вас нежно так голубит?
Не смыкая ночью глаз,
Все заботится о вас?

Мама дорогая!

Колыбель кто вам качает?
Кто вас песней забавляет,
Или сказки говорит?
Кто игрушки вам дарит?

Мама золотая!

Если детки вы ленивы,
Непослушны, шаловливы,
Как бывает иногда,
Кто же слёзы льет тогда?

Все она родная!

**Из сборника детских стихов 1916 года
когда маме было 5 лет**

Альбом для стихов Нины Белявской. Кишинев. 1902 год

ПЕСНИ, ЧТО ПЕЛА МНЕ МАМА В ДЕТСТВЕ

1944 – 1950

ПЕСЕНКА ПРО ДЕТСКИЙ САДИК

Детский садик, что пчелиный рой,
Там детишки бегают гурьбой,
Они гуляют там и тут,
Взапуски бегут - бегут - бегут.

У фонтана, где большой каштан,
Черноглазый мальчуган
Перед девочкой стоит,
И тихонько ей он говорит:

«Оля, Оля, вырасту большой,
Далеко уедем мы с тобой,
Отращу я для красы,
Как у Феды-дворника, усы».

Годы мчатся, точно ураган,
Стал уже студентом мальчуган.
Оле нашей ровно двадцать лет,
Расцвела она, как маков цвет.

У фонтана встретились вновь,
Не забыли детскую любовь.
"Слушай, Оля, любишь ли меня?"
И в ответ он еле слышит: «Да».

Годы шли, и как-то вечером
Дома старички сидят вдвоем.
Тускло огонек в печи горит,
Олечка о прошлом говорит:

*"Помнишь, Коля, тот фонтан,
Ту весну и наш каштан,
Мою девичью красу,
Длинную до пояса косу?».*

*«Полно, Оля, полно горевать
И о прошлом горько вспоминать.
Посмотри на молодежь,
Что прошло, того уж не вернешь».*

УВЕРЛЕЙ

Пошел купаться Уверлей – Уверлей!
Оставив дома Доротею,
На помощь пару-пару-пару пузырей – Пузырей!
Берет он, плавать не умея.

Но что сулил ему злой рок? – Да, злой рок!
Нырнул, нырнул вниз головою.
Но голова–ва-ва тяжеле ног-ног-ног
Она осталась под водою.

А Доротея, пропотев, пропотев,
Купаться тоже захотела,
Но ноги мило-мило-милого узрев – Да, узрев!
Она тотчас остолбенела.

Прошли года, и пруд заглох – Да, заглох!
И заросли в саду аллеи,
Но всё торчит-торчит-торчит
Там пара ног, там пара ног
И остов бедной Доротеи.

Примечание: Эту песенку очень любил мой дед Юрий. Думаю, что он когда-то пел её моей маме, а уж мама – мне.

ШАР ГОЛУБОЙ

Крутится-вертится шар голубой,
Крутится-вертится над головой,
Крутится-вертится хочет упасть:
Кавалер барышню хочет украсть.

Где эта улица, где этот дом
Где эта барышня – вся в голубом?
Вот эта улица! вот этот дом!
Вот эта барышня, что я влюблен!

Примечание: Эту песенку в к/ф «Максим» пел Борис Чирков, мамин любимый актер.

М.Ю. Лермонтов.

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?
Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!
Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой;
А он, мятежный, ищет бури,
Как будто в буре есть покой!

Примечание: Из тетради 1929 года. Мама это пела.

Н.М. Языков (1803 – 1847).

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
день и ночь шумит оно;
в роковом его просторе
много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
парус мой направил я:
полетит на скользки волны
быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
крепнет ветер, зыбь черней,
будет буря, мы поспорим
и помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
закипит громада вод,
выше вал сердитый встанет,
глубже бездна упадет.

Там за далью непогоды
есть блаженная страна:
не темнеют неба своды,
не проходит тишина.

Но туда выносят волны
только сильного душой!
Смело, братья! Бурей полный,
Прям и крепок парус мой.

КАПИТАН

Жил на свете капитан,
Он объездил много стран,
И не раз он бороздил океан.
Раз пятнадцать он тонул,
Погибал среди акул –
И ни разу даже глазом не моргнул!

Но однажды капитан
Был в одной из **дальних стран**
И влюбился, как простой мальчуган.
Раз пятнадцать он бледнел,
Заикался и краснел,
Но ни разу объясниться не посмел!

Он краснел, он бледнел,
И никто ему по-дружески не спел:
"Капитан, капитан, улыбнитесь.
Ведь улыбка – это флаг корабля!
**Капитан, капитан, подтянитесь –
Только смелым покоряются моря!"**

Примечание: Эту песенку любили все в нашей семье.

**Записки
КАПИТАНА ЧЕЛКАРА**

**НЕСБЫВШЕЕСЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА
НА ШХУНЕ «ЧЕРИБОН»**

Порт приписки: БИНСАЛ, Пуэрто Чалис,
о. Ликоподий в Индийском океане

ВЕСЁЛЫЙ ВЕТЕР.

А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер
весёлый ветер, весёлый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал.
Спой нам песню про дикие горы,
про глубокие тайны морей,
про птичьи разговоры, про синие просторы,
про смелых и больших людей.

Кто привык за победу **бороться**,
С нами песню пускай запоёт.
Кто весел, тот смеётся,
Кто хочет, тот добьётся,
Кто **ищет**, тот всегда **найдет!**

А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер
весёлый ветер, весёлый ветер.
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал.
Спой нам песню про чащи лесные,
про звериный запутанный след,
про шорохи ночные, про мускулы стальные,
про радость от больших побед.

Кто привык за победу **бороться**,
С нами песню пускай запоёт.
Кто весел, тот смеётся,
Кто хочет, тот добьётся,
Кто **ищет**, тот всегда **найдет!**

Примечание: Песенка из к/ф «Пятнадцатилетний капитан». Там же был девиз: *«Бороться и искать, найти и не сдаваться!»*. Из его начальных букв был составлен пароль **БИНС**, когда в 10 лет я начала играть в пиратов. А в 14-15 лет, играя в капитана Челкара, назвала свое государство в Индийском океане **БИНСАЛ**. Эта песенка до сих пор радует сердце.

СТИХИ – 1953 – 1957 (13–16 лет)
ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ЭТОЙ ПЕСЕНКИ
И С «КЛУБА ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ»

БРИГАНТИНА (1937)

Павел Коган (1918– 1942; погиб на фронте).

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза...
В **Флибустьерском** дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись дня.
На прощанье поднимай бокалы
Молодого терпкого вина!

Мы пьем за яростных, за непокорных,
За презревших грошовый уют.
Плещет по ветру **Весёлый Роджерс**,
Люди **Флинта** песенку поют.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза, –
В Флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

Примечания. *Флибустьеры* (франц. flibustier < голл. vrybouter = "свободный захватчик трофеев") – **пираты, морские разбойники** 17–18 вв.

Флибустьерское море — так называлось Карибское море.

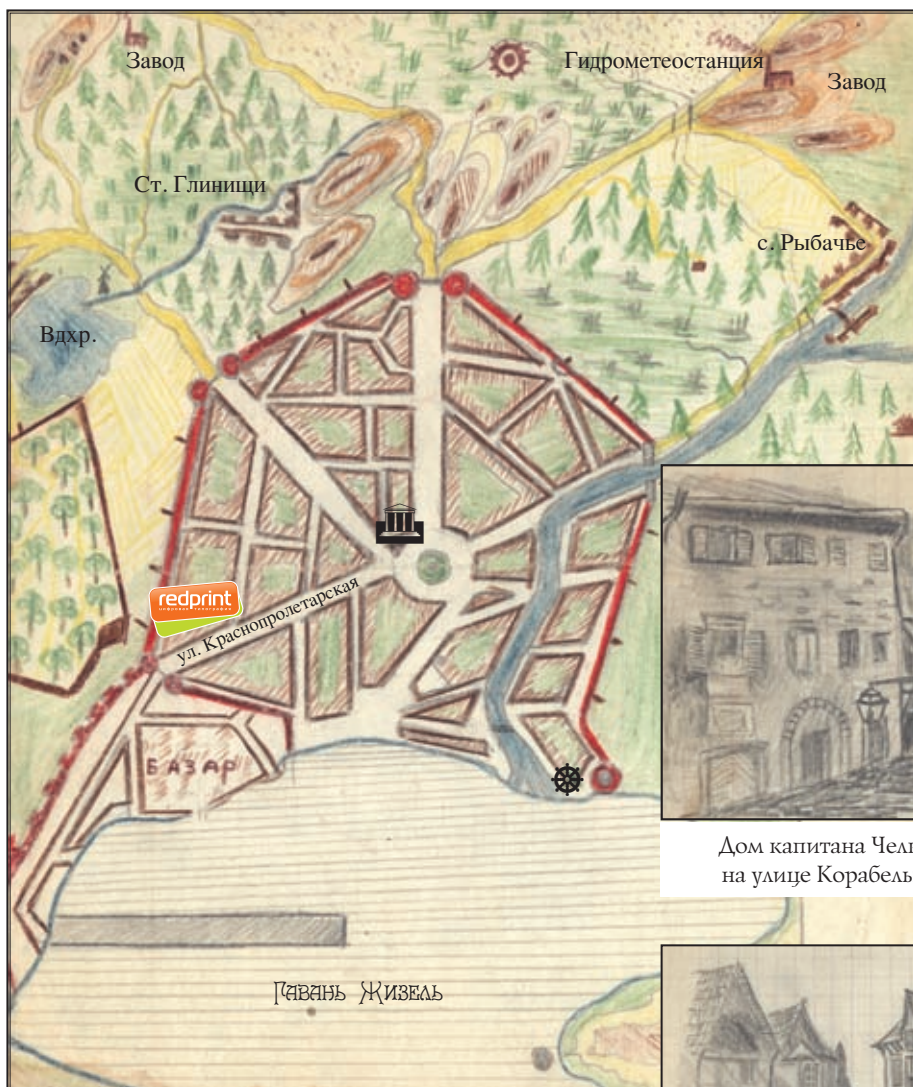
Весёлый Роджерс – черный флаг пиратов с изображением черепа.

Капитан Флинт — пиратский капитан из романа **Стивенсона «Остров сокровищ»**. Его прототипом считается знаменитый пират Эдвард Тийч

Интернет–магазин детских товаров. Купить **Череп пирата Флинта** – 480 руб.
http://softodir.ru/baby/index.php?rub_id=168&tov_id=1455 – (ШУТКА!)

КАРТА ГОСУДАРСТВА БИНСАЛ
 в Индийском океане
 Острова: Ликоподий, Аурат и Омикрон
 Масштаб: в 1 см – 40 км

Дом капитана Челкара
на улице Корабельной

Типография РедПринт
на ул. Краснопролетарская

План города Пуэрто-Чирики

— Филиал музея Феи Морганы на пл. Ратуши

— Дом капитана Челкара на улице Корабельной

— Типография РедПринт на ул. Краснопролетарская

ПОД ФЛАГОМ «ВЕСЁЛЫЙ РОДЖЕР»

Билли Бонс

Остров Дьяволь Доржон находился в Тихом океане – 153° западной долготы и 42° южной широты. Большая гавань была очень удобна для захода кораблей. На берегу стоит замок. Двор покрыт плитами. Кто ходил по ним? В стенах замка торчат пушечные ядра, а по берегу разбросаны обломки старинных кораблей. Может быть, этот остров был пристанищем пиратов? Может... Всё может быть.

Б Е Р Е Г

О прибрежные камни тихо плещутся волны
И, как будто играя, догоняют друг друга...
Следы таинственные на песке прибрежном
Почти не видны в янтарном свете,
И волны их смывают всплеском нежным,
Припоминая всё об этом лете.
И чудятся им просторные гавани южных морей
И ветром надутые паруса плывущих легко кораблей.

*И слышатся им звон бокалов в тавернах,
Доносится запах хмельного вина.
Волнами табачного дыма окутана –
Качается в небе луна*

И долго ещё вспоминали волны
О разных чудесных местах;
И слушали их в молчании сонном
Камни, лежащие на берегах.

Н.М. 1953 (12 лет)

СУДОВОЙ ЖУРНАЛ

Торговая шхуна "Черибон"

Кабинет капитана Челкара

БИНСАЛ — СТРАНА СЧАСТЛИВЫХ БЕРЕГОВ

Стихи из Судового журнала капитана Челкара

3 декабря 1956

Мы будем по морям далёким плавать
И изучать грунты и глубину.
И, наконец, увидим в дымке справа
Гор **Антарктиды** белизну.

Быть может, средь морей и рифов,
И зелени тропических лесов,
Под музыку давно забытых мифов
Найдём страну счастливых берегов.

Мой друг, там, в обществе бродяг —
Беспечных, полных сил и благородства —
С тобою вместе в путь пойдём,
Минуя жизни все уродства.

19 февраля 1957

АЗИЯ (по прочтении книги Г. Гуру)

Посмотри на равнины и горы,
На пустынь бесконечных простор,
На ленивые воды Лобнора,
На сибирский таёжный убор.

Тихий звон бубенцов каравана,
И вдали где-то ржанье коней.
Юрты, ветры, пески Казахстана
Наполняются роем теней.

Тучи быстрых коней властелина,
Призрак жёлтой палатки прошёл.
В ней заснул грозный сын Керулина,
В царство ада он гордо сошёл.

УТРО НА ПРОСТОРАХ АЗИИ

Солнце яркое вставало, освещая минареты,
Постепенно возбуждая узких улиц суету.

И вдали, в горах высоких, лёгких пагод ожерелья,
Что над бездною повисли, озарились слабым светом.
Ламы вышли на молитву. Отдавался гулким эхом
По ущельям и долинам мерный звон колоколов.

И проснулся страшный город – царство рикш и старых джонок,
Легких джонок, что как птицы, быстро мчатся по воде.

Дым поднялся над аулом. Бедной сакли утешенье –
Карабах, услышав шорох, чутко уши наострил.

А в предгорьях Гималаев, царь зверей крадется в джунглях –
И на завтрак терпеливо караулит осторожную козу.

А когда придут на землю тишина и тьма ночная,
Прошуршат шаги по плитам, звон кинжалов, тихий вскрик.
Карабах промчится в горы. Полный мщенья гордый горец,
На его спине гарцуя, пустит меткую стрелу.
На вечернюю молитву в храм придет толпа монахов,
И в горах завоет ветер, бедных путников пугая.

ОСЕНЬ

Ветры стонут, ели плачут
Пред кончиною своей.
По земле промёрзлой скачет
Замухрышка воробей.

За окном стоят березы,
Грустно ветви опустив.
Небо серое льёт слезы,
Сердце ноет, загрустив

1955

ТОСКА. Романс

Астры осенние вянут,
Вянут в саду под окном.
Птицы поют, песню тянут
Всё об одном, об одном.

Слышно, как будто свирели,
Где-то журчат журавли.
Сумерки медленно сели
В мягкое ложе земли.

Холодно, холодно грустно,
Грустно смотреть мне в окно —
В поле, как на сердце, пусто,
Лето уж кажется сном.

Октябрь 1957

ПЛАГИАТ (под Пушкина)

Зачем я эти строки написал?
В них нет ни рифмы стройной,
Ни идеи. Признав, что слишком мал
Природой данный дар,
Держу перо в руке несмелой,
Поэта корчу из себя,
Жестоко ухо теребя.

На скучном уроке физики.

ЗАБЫТЫЙ РОМАНС

На мотив романса: Не уезжай ты, мой голубчик,

Не уезжайте вдаль, Маэстро,
Прошу, останьтесь до весны.
Дождливой осени оркестр
Печальные играет сны.

А там, во снах, **в гостиной Синеи**
О вечной скуке бытия
Под звук дрожащий клавесина
Поём романсы – Вы и я.

В кустах намочла паутина,
Дрожит над лужей жёлтый лист.
Финал забытой сонатины
Играет старый пианист.

Там, на пруду, мы распрощались,
И вы ушли на много лет.
И там, во сне, мне обещали
Хранить в душе вечерний свет.

Москва. 19 октября 1992 года

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО НОВОМУ ИЕРУСАЛИМУ. 1988 год

У СТЕН СОБОРА

Когда в лучах багрового заката
Я зрю цветок изысканный граната,
Я вспоминаю Вас.
Смотрю на лист увядшего *аканта* –
И чудится во фризе *доминанта* –
«Павлиний глаз».
И под рустованной колонной,
В тени опорного пилона
В вечерний час,
Вся в кружевах далекого Брабанта,
Под мерный звук забытого *бельканта*
Пишу стихи для Вас.

ПРОГУЛКА В ГЕФСИМАНИИ

Шумит поток *Кедрон*.
На склонах *Елеона* чуть слышен треск цикад,
И лип душистая армада ведет нас в *Гефсиманский сад*.
Здесь, у купели *Силоама*, проходит ангелов тропа.

Среди берез, у дуба *Авраама*, чуть виден *Скит*,
а там, за Истрою, в черемухе душистой *Фавор* стоит.
У берега на струнах серебристых
Поёт волна торжественный псалом.
И воздух чист, и в сумраке душистом
Парит над рощею *Давидов Дом*.

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Нынче время такое – нам не мечтается,
Но прошлое светло вспоминается:
Люди старые, их голоса и лица, —
В день Татьяны, их покровительницы.

В день Татьяны, святой мученицы,
Снег идет по старинной улице.
Вспоминая о том, о сём — о былом,
Он стучится в окна, в старый Дом.

Стол накрыт: картошка и водка,
Винегрет, пирог и селедка —
Десять, сорок лет назад —
Как тогда, и днесь стоят.

В старой булочной, в переулочке,
Гость купил **конфеты и булочки**
И спешит с мороза в наш дом
Вместе вспомнить о былом.

25 января 1992, Москва

НЕСБЫВШЕЕСЯ

Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких и туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня.

Александр Грин. «Бегущая по волнам». Гл. 1

Эти слова переписаны моей мамой в конце альбома с фотографиями 1939 года, когда ей было 28 лет. Привожу их здесь как эпитафия к своим стихам о несбывшемся путешествии, которые я написала 12 августа 1987 года, когда мне было 46 лет. Конечно, в тот день я вовсе не думала о «Бегущей по волнам», да и сейчас не совсем понимаю, что хотел сказать Грин. Не понимаю, — но что-то в них задевает.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Какая рифма точная! Я говорю:

“Наталия! Поедьте в Италию”.

В ответ ВЫ говорите: **“В Италию?”** “

— В Италию!

— **Но как достать билет?**

— *Оставьте Вы про это.*

*Уж август — в конце лета
там можно без билета.*

Тем более в мечтах.

— **Куда мы едем? В Рим?**

— *Нет, я мечтаю в Падую:
там башней Вас порадую.*

— **Ну, нет, я еду в Рим.**

— *Одна? Ни в коем случае.
Ведь Вас тоска замучает.*

— **Положимся на кучера.**

— *Куда ж? — В пути решим.*

Новый Иерусалим. Август 1987

Надпись на старой открытке:
Campagna Romana. Pecoraio e cane.
Римская Компания. Пастух и пёс.

ПЕКОРАЙО – ПАСТУХ в Римской Компании

Pecoraio, пекорайо
В старом грязном одеяле,
Накорми душистым сыром,
Напои горячим чаем.

Ветер дует и в Компании.
И в Компании пёс кудлатый
Ждёт, когда его поглажу —
Влажным носом тронул руку...

Пекорайо в ветхой шляпе,
Ты не веришь? Мы – в Компании!
Ты не веришь... Ты смеёшься...
Я не верю в это тоже...

В ЗАЛАХ МУЗЕЯ

Как странно: по залам Уфицци
Мы ходим одни.
Красивы спокойные лица...

Но как не привычно,
Как всё симметрично:
И рамы, и торсы, и лица –
Здесь, в залах Уфицци...

И так удивительно:
Здесь на открытке
Мы ходим одни.

НА ПЛОЩАДИ РОМА В ФРАСКАТТИ

— В тракторье “Микара”
Так шумно и душно.
На площади старой
Так тесно и скучно.
Пойдемте к “Валенти”!» —

— **Нет, нет! У “Микара”
Так вкусно готовят салат из кальмара.**

— Салат из кальмара? На площади Рома?!
Как вы прозаичны! Уж лучше нам дома
Пить чай поэтично под липою старой.
Под звуки гитары... под звуки гитары...»

— **Но как же Фраскатти?**
— Красивое слово под звуки гитары.
А так – что Фраскатти?
Никто нас не ждёт там, на площади Рома.
Останемся дома... останемся дома...

В Е Н Е Ц И Я Р О М А Н С

Мой друг, ты не хочешь в Венецию?
Поедем, – там так хорошо...
Под звуки далёкого *терцио*
В бокалах мерцает крюшон.

Нам будет казаться несбывшимся
Тот сказочный сон наяву,
И наше привычное нищенство
Ошибкой судьбы назову.

И в тусклой воде *венецийской*
Увидим лазурь и кармин.
На столике в вазочке *севрской*
Поправь бледно-желтый жасмин.

Поверь мне, настанет мгновение,
Когда среди зимнего дня
Под звуки метельного пения
Ты вспомнишь жасмин и меня.

ПИСЬМО МАЛЬЧИКУ

Mister Alex!

Как приятно, утром рано
встав с московского дивана,
из далекого Милана
получить письмо от Вас!

Где я только ни бывала!
Но Миланского вокзала,
к сожаленью, не видала
и в *La Scala* не была.

У меня есть предложение:
приходите есть печенье
и под музыку *Кварчени*
чипсы чаем запивать.

На просторах Аргониды
эльфы, кельты и друиды
о загадках Атлантиды
станут с нами рассуждать.

С нетерпеньем ожидая
Ваши краткие посланья,
я о Зальцбурге вздыхаю
и целую на прощанье
и родителей, и Вас.

Москва, 23 августа 2005

ПРОЩАЛЬНЫЕ. 1992 – 2009

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Случайно на ноже карманном

Найди пылинку дальних стран –

Александр Блок

Мы прожили так странно –
Нигде не бывали,
Не ездили в **дальние страны**:
О них мы мечтали.

В музеях мы Гойю смотрели,
В альбомах – Тёрнера акварели,
В концертах слушали Генделя
И книги читали.

Смотрели, слушали и читали –
Нигде не бывали.
Лондон, Париж и Мадрид
Только во снах видали.

Прощайте, далёкие страны –
Столицы, моря, океаны.
Мы всё о вас знаем
И больше о вас не мечтаем.

Осень 1992

ЭПИТАФИЯ

на смерть Советского Союза

Эпилог к «Истории» графа А.К. Толстого
«ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ» (1868)

*... И вот земля свободна от всяких зол и бед
И очень хлебородна, а всё ж порядка нет.*

Давным—давно составил
Рассказ немудрый свой
И шуткой позабавил
Нас Алексей Толстой.

А что ж теперь, ребята,
Продолжить ли рассказ?
Иль, промолчав, заплакать?
Заплакать — в самый раз.

Землею прирастали,
Старались мужики.
Теперь вот растаскали
Россию на куски.

Мы жили без оглядки.
И через тридцать лет
Не то, что бы порядка, —
Союза больше нет.

Весна 2009

СТАРОСТЬ

СТИХИ ИЗ ТЕТРАДЕЙ МОЕЙ МАМЫ

1985 – 4 октября 2004

Вечерняя печаль.

...Пережитое всё – действительно ли было
иль, может быть, оно лишь смутным было сном?

И, как сливаются в вечернем небе краски,
как очертания – в прозрачной полутьме,
так впечатления слились теперь в моем уме,
и я не отличу действительность от сказки.

На всё печаль души набросила покров,
неразрываемый покров воспоминаний,
и жаль мне радостей, и жаль былых страданий
в смятенном сумраке прозрачных вечеров.

Ольга Чюмина (1864-1909)

В. М. Максимов. Все в прошлом

Елена Благинина. 1940

Иные сны слетятся к изголовью,
умолкнут грозы в стынувшей крови,
и то, что называли мы любовью,
воспоминаньем станет о любви.

И обернется жизнь иною мукой,
иным вонзится в сердце острием ...
И то, что называли мы разлукой,
быть может, страхом смерти назовем.

И если в час последнего прощанья,
восстанут вдруг в угаснувшей крови
все неисполненные обещанья,
все росстани, все горести любви,

ответим мы томительным рыданьем
обрадуемся, что ещё живём,
и то, что называли мы страданьем,
обыкновенной жизнью назовём.

Примечание: В записной книжке 1928-32 годов (куда мама выписывала стихи), за месяц до своего замужества она записала на полях последней страницы:

«30/IV-34 г. Ст. Кокошкино. *«Быть может, быстрое, быть может, грустное – кто измерил его – счастье живой любви»*. А через шесть лет в ту же книжку она переписала это стихотворение Елены Благининой, датированное 1940-м годом. Ей было тогда 39 лет. Потом она переписывала его в более поздние тетради и на отдельных листках.

Евгений Евтушенко, 1963

* * *

Уходят наши матери от нас,
Уходят потихонечку, на цыпочках.
А мы живём спокойно, по привычке
Не замечая этот страшный час.

Уходят матери от нас не сразу, нет –
Нам это только кажется, что сразу.
Они уходят медленно и странно
Шагами маленькими по ступенькам лет.

Вдруг, спохватившись нервно, в кой-то год
Им отмечаем шумно дни рожденья,
Но это запоздалое раденье ни их,
Ни наши души не спасёт.

Всё удаляются они, всё удаляются.
К ним тянемся, очнувшись ото сна,
Но руки вдруг о воздух ударяются:
В нём выросла стеклянная стена!

Мы опоздали... Пробил страшный час.
Глядим мы со слезами потаёнными,
Как тихими суровыми колоннами
Уходят наши матери от нас.

Примечание: Это стихотворение переписала моя бабушка, Нина Евгеньевна, в свой дневник в 1963, думая о своей матери, Зинаиде Павловне. Она умерла в 1925 году, и бабушка переживала эту утрату всю жизнь.

5 мая 1970 моя бабушка умерла, и моя мама эти же стихи выписала на память о своей утрате. 3 октября 2004 года моя мама тоже умерла. И перебирая её бумаги, я впервые прочитала это стихотворение. Я не люблю Евтушенко, но, что поделаешь, если он так хорошо написал.

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

ПОЕЗДКА К ДРУГУ ДЕТСТВА

Дождь, — как быт, морозящий без пауз.
А в метро — пересадки и грусть.
Как я трудно к тебе добираюсь,
но я верю, мой друг, доберусь!..
Будет всё: и любимые строки,
и мелодии из оперетт...
Наше детство и наши итоги,
и застолье с обзором газет.

А пока что — проезд и осадки.
Через город, на перекладных
добираюсь, терпя пересадки,
беззаветно, как без выходных.
Под землю час пик, переходы,
а на свет появляешься — дождь,
овощные лотки, эпизоды,
неформальная молодежь.

На исходе двадцатого века,
когда жизнь непосильна уму,
как же нужно любить человека,
чтобы взять и поехать к нему.

Примечание. Это стихотворение было напечатано в “Литературной газете” 1987, 14 декабря. Мама сохранила вырезку из неё. Мне оно тоже очень нравится. Написано в самом начале «перестройки». Заодно приведу стихотворение **А.Н. Апухтина** «Из записок ипохондрика», написанное им почти 150 лет тому назад, в конце 1870–х. Оно, на мой взгляд, созвучно этой теме. В нашей семье, при случае, часто цитировали эти слова.

«Жизнь пережить – не поле перейти!»

Да, точно: жизнь скучна и каждый день скучнее;
Но грустно до того сознания дойти,
Что поле перейти мне всё-таки труднее.

Сара Тисдейл (Sara Teasdale, 1884 -1933) –
американская поэтесса

* * *

Будет ласковый дождь, будет запах земли,
щебет юрких стрижей от зари до зари,
и ночные рулады лягушек в прудах,
и цветение слив в белоснежных садах;
огнегрудый комочек слетит на забор,
и малиновки трель выткет звонкий узор,
и никто, и никто не вспомянет войну:
пережито – забыто, ворошить ни к чему.

И ни птица, ни ива слезы не прольёт,
если сгинет с земли человеческий род.
И Весна... и Весна встретит новый рассвет,
Не заметив, что нас уже нет.

Примечание. Мама переписала это стихотворение из рассказа Рэя Бредбери «*Будет ласковый дождь*». Издания «Марсианские хроники» 1965 г. Этими стихами заканчивался мой роман «Усадьба» (изд. 2007), а теперь заканчивается и этот сборник стихов.

К О Н Е Ц

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ МОЕГО ДЕТСТВА. 1943 – 1950. (3–10 лет)

СТИХИ КАПИТАНА ЧЕЛКАРА. 1953 –56 (12–14 лет)

БЕРЕГ. АЗИЯ. УТРО НА ПРОСТОРХ АЗИИ.
ОСЕНЬ. ТОСКА. ПОДРАЖАНИЕ ПУШКИНУ

СТИХИ ИЗ РОМАНА «Усадьба». 1988 – 1992

ЗАБЫТЫЙ РОМАНС «В гостинной Синеи»
НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ. Посвящение Т.Ю.
У СТЕН СОБОРА. ПРОГУЛКА В ГЕФСИМАНИЮ
ТАТЬЯНИН ДЕНЬ. 25 января 1992

НЕСБЫВШЕЕСЯ. Август 1987

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ В ИТАЛИЮ
ПАСТУХ в Римской Компанье
В ЗАЛАХ МУЗЕЯ
НА ПЛОЩАДИ РОМА В ФРАСКАТТИ
ВЕНЕЦИЯ. Романс.

ПРОЩАЛЬНЫЕ

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ. Осень 1992
ПИСЬМО МАЛЬЧИКУ из Москвы в Милан. Август 2005
ЭПИЛОГ к «Истории» графа А.К. ТОЛСТОГО. Лето 2009

СТАРОСТЬ. Стихи из тетрадей мамы за 1987–2000 годы.

Пират на пенсии

